

Предисловие

Имя Эдвард Фредерик Линдли Вуд вряд ли известно широкому кругу читателей, причем не только российских, но и западных. Титул барона Ирвина могут вспомнить любители истории колониальной Британии, а титул лорда Галифакса может быть знаком не только увлеченным историческими событиями, но и мистикой. «Книга приведений лорда Галифакса»¹ — единственное переведенное на русский язык произведение, так или иначе связанное с героем этого издания. Между тем за многими эпохальными событиями ушедшего XX в. стоял именно этот загадочный, сам наклонный к мистике джентльмен шести с половиной футов² роста.

И если как Эдвард Вуд он не успел в достаточной степени проявить себя на политической арене: всего лишь лоббировал «карательный мир» для Германии после Первой мировой и был дважды министром в 1920-е гг., то, получив в 1925 г. титул барона Ирвина, он показал человечеству, на что способен, будучи вице-королем Индии. Это Ирвина в «Золотом теленке» пародировал бухгалтер Берлага, требуя отдать ему любимого слона и ища верных магараджей. Это Ирвин пообещал Индии статус доминиона. Это Ирвин посадил в тюрьму Махатму Ганди после «Соляного похода»³. И это Ирвин

¹ *Линдли, Ч.* Книга приведений лорда Галифакса. М.: Азбука, 2010.

² 196 см.

³ «Соляной поход» — один из эпизодов борьбы за независимость, когда 12 марта — 5 апреля 1930 г. Махатма Ганди с 79 своими последователями дошел пешком до побережья Аравийского моря близ селения Данди. После окончания 390-километрового похода, в ходе которого к группе протестующих присоединялись все новые и новые последователи, Ганди демонстративно поднял пригоршню соли — в знак нарушения колониальной соляной монополии.

же должен был выпустить его, сесть с ним за стол переговоров и навязать ему свои условия.

Читатель, знакомый с мировой историей, знает именно лорда Галифакса. Данный титул Вуд унаследовал в 1934 г., после смерти своего отца, и, будучи лордом Галифаксом, запустил цепь событий, которая в итоге вылилась для человечества во Вторую мировую войну. Человек, который принял Гитлера за лакея, написал полковнику Беку и выдал гарантии Польше, ставшие поводом для вступления в войну Великобритании. Человек, который растоптал все усилия своего близкого друга Невилла Чемберлена по сохранению «мира для нашего поколения» и мистически ускользнул от ответственности за это. Наконец, человек, который подарил портфель премьер-министра Уинстону Черчиллю и основал Организацию Объединенных Наций. Такая фигура, безусловно, нуждается в жизнеописании.

На Западе существуют три биографии нашего героя, помимо его собственных мемуаров⁴: биография, написанная еще при его жизни Стюартом Ходжсоном в 1941 г.⁵; книга лорда Биркенхеда (1965), т. н. официальный «лайф»⁶; и написанная в начале 1990-х гг. книга британского же исследователя Эндрю Робертса⁷. Ходжсон составил парадный портрет лорда Галифакса после его отъезда в США. «Лайф», написанный Биркенхедом, создавался при жизни вдовствующей графини Галифакс, поэтому большинство острых углов в нем сглажено. Целью последнего издания, как отмечает сам автор, было «изменить» репутацию Галифакса, которого до того периода изображали «князем умиротворителей». Сегодня можно сказать с уверенностью, что менее всего фронтовик, майор британской кавалерии, прошедший Первую мировую войну, был склонен «умиротворять» Германию, причем гитлеровскую или любую другую — неважно.

А вот к чему в политическом плане был склонен Эдвард Вуд, с той же уверенностью сказать сложно. Многие поступки его парадоксальны, хотя каждый уникален (взять хотя бы наставление

⁴ *Earl of Halifax*. Fulness of days. London, 1957.

⁵ *Hodgson, S.* Lord Halifax: an appreciation. London, 1941.

⁶ *Earl of Birkenhead*. The life of Lord Halifax. London, 1965.

⁷ *Roberts, A.* The Holy Fox: The Life of Lord Halifax. London, 1991.

Бенешу вводить всеобщую мобилизацию в разгар вторых переговоров Чемберлена и Гитлера). Не всегда в этих поступках удается отследить не только политическую, но и простую человеческую логику, что может стать некоторым ребусом, загадкой для читателя. Над ребусами Вуда бились многие исследователи того периода британской истории. И примечательно, что очень немногие из них решались все-таки обвинить его и в провале политики «умиротворения», и в начале новой мировой войны. Непосредственно об этом говорили лишь историки-ревизионисты — Дэвид Хогган и Кэрролл Квигли⁸.

Для всех остальных лорд Галифакс оставался британским героем, полным достоинства, скромности и чести. И хотя его политическая деятельность приходилась на очень сложные и противоречивые годы, в массовом сознании и в сознании историческом он абсолютно не запятнан. Действительно, ближайшее окружение Галифакса подвергалось и подвергается регулярным нападкам историков и политологов: премьер-министр Чемберлен, хотя и признан трагической фигурой, все еще не получил должной исторической реабилитации. Выходят труды, «раскрывающие глаза» на блистательную деятельность Уинстона Черчилля⁹. Энтони Иден был предан анафеме в 1950-х гг., Сэм Хор, Джон Саймон, Хорас Уилсон, Невил Гендерсон — люди, так или иначе получившие свою порцию исторических обвинений, кстати, не всегда заслуженных. Лишь лорд Галифакс остается кристально чист. Исследователь Алан Тейлор, задумываясь об этом феномене, писал: «Невозможно объяснить, как такое могло произойти»¹⁰.

Святой Лис и в самом деле уникально прошелся по британской и мировой истории. Прозвищем этим его наградила сэра Роберт Ванситтарт, изящно перефразировав титул «Halifax» в «Holy fox», тем самым подчеркнув истовую религиозность лорда Галифакса, который принадлежал к англо-католикам, и его страсть к типично британскому развлечению (ныне запрещенному ввиду излишней

⁸ *Quigley, C.* The Anglo-American establishment. N. Y., 1981; *Hoggan, D.* The Forced War. N. Y., 1989.

⁹ *Irving, D.* Churchill's War. Vol. 1–4. London, 1987; *Charmley, J.* Churchill: The End of Glory. London, 1993; etc.

¹⁰ *Taylor, A.J.P.* The Origins of the Second World War. London, 2011. P. 212.

жестокости) — охоте на лис, магистром которой Галифакс также был официально и именно в этом статусе посещал гитлеровский рейх.

При работе над этим изданием я опиралась в первую очередь на документальные свидетельства эпохи: архивные документы, письма, дневники¹¹ и воспоминания самого Галифакса, а также его непосредственного окружения¹². Источники эти мало знакомы отечественному читателю, они практически не переиздаются даже в Британии, не переведены на русский язык, поэтому мне пришлось взять на себя смелость заняться их переводом. За редким исключением¹³ до сих пор в России были представлены только книги, основанные на трудах Уинстона Черчилля и придерживающиеся его точки зрения — они весьма спорны и дают одностороннее, зачастую противоречащее действительности представление тех не таких уж и далеких, но поистине роковых лет. О том, как «лисьей поступью» прошелся по ним лорд Галифакс и чего это стоило человечеству, будет рассказано в этой книге.

Моргана Девлин
Январь 2020,
Москва

¹¹ Hickleton Papers.

¹² *Lloyd George, D.* War Memoirs. London, 1934; *Henderson, N.* Failure of a Mission. London, 1940; *Henderson, N.* Water under the bridges. London, 1945; *Lord Chatfield.* It might happen. London, 1947; *Churchill, W.* The gathering storm. London, 1948; *Churchill, W.* The second world war. London, 1959; *Duff Cooper, A.* If men forget. London, 1953; *Simon, J.* Retrospect: the Memoirs of the Rt. Hon. Viscount Simon G.C.S.I., G.C.V.O. London, 1952; *Viscount Templewood.* Nine troubled years. London, 1954; *Lord Strang.* Home and Abroad. London, 1956; *Lord Vansittart.* The mist procession. London, 1958; *Earl of Avon.* The Eden Memoirs: Full Circle. London, 1960; *Earl of Avon.* The Eden Memoirs: Facing the Dictators. London, 1962; *Earl of Avon.* The Eden Memoirs: the Reckoning. London, 1965; *Macmillan, H.* Wings of Change. London, 1966; *Mosley, O.* My life. London, 1968; *Lord Butler.* The art of the Possible. London, 1971; *Dilks, D.* The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. London, 1971; etc.

¹³ *Девлин, М.* Невилл Чемберлен: джентльмен с зонтиком. М.: Молодая гвардия, 2019; *Молодяков, В.* Риббентроп: дипломат от фюрера. М.: Молодая гвардия, 2019.

Глава 1

Йоркшир (1881–1910)

«Об этой атмосфере можно было бы многое рассказать у современного психолога».
(Fulness of Days. P. 19)

Эдвард Фредерик Линдли Вуд родился накануне Пасхи 16 апреля 1881 г. в замке своего деда по материнской линии графа Девона — Паудерхем. Матушка нашего Эдварда, леди Агнес Кортни, была младшей дочерью графа и после того, как он овдовел, присматривала за отцом в фамильном поместье, вместе со своей семьей наслаждаясь красотами южной Англии.

Род Кортни брал свое начало во Франции, и его представители нажили немалую часть славы и внушительного состояния в крестовых походах. Породнившиеся с ними Вуды имели менее доблестную репутацию (хотя и у них случались громкие истории вроде казни за измену родине по религиозным соображениям). Но тем не менее Вуды были одной из знаменитых «великих семей Севера». Они неизменно гордились, что, в отличие от пришлых Кортни, корни их родовой ветви находятся в британской, а еще точнее — йоркширской земле. Поэтому Вуды считались более почтенным родом, чем Кортни, хотя те, вне всякого сомнения, были богаче.

Чтобы более не утомлять читателей тонкостями аристократических родословных, скажем только, что оба деда Эдварда — и граф Девон, и виконт Галифакс — были политиками. Первый — консерватором, второй — либералом, одним из «любимых министров» королевы Виктории¹. А вот его старший сын, отец Эдварда, с политикой свою жизнь решил не связывать: «Этот странный человек <...> был

¹ Когда в 1884 г. лорд Галифакс умер, королева Виктория написала в своем дневнике: «Дорогой лорд Галифакс умер три дня назад. Я действительно горюю об его утрате. Он всегда был истинным моим другом и лояльным моим слугой, и в 1859-м, когда лорд Рассел и лорд Палмерстон уже сделали и требовали сделать еще больший вред, он был великой и реальной помощью мне» (Earl of Birkenhead. P. 10).

настолько глубоко религиозен, что иногда полагал, что его истинное предназначение — быть священником. Преданность англо-католичеству стала центральной темой его существования, руководила всеми его принципами, была его путеводной звездой»².

Чарльз Вуд, как и полагается наследнику богатого аристократического рода, получил классическое образование сначала в Итоне, а после в Оксфорде (колледж Ориел). Именно там он подпал под вторую волну Оксфордского движения³ и был настолько увлечен богословом, профессором Эдвардом Пьюзи, что решил не продолжать дело отца, тем более что политика вигов тогда шла вразрез с интересами церкви.

В 1866 г. Вуд уехал в Лондон, чтобы стать волонтером при госпитале и помогать лечить больных во время эпидемии холеры. В 1868 г. он стал президентом Английского церковного союза⁴ в возрасте 29 лет и сохранял эту должность до 1919 г. Вуд неоднократно ездил в Ватикан, настаивая на том, чтобы англиканская церковь была признана третьей ветвью наряду с римской и православной церквями. В отличие от видного участника Оксфордского движения кардинала Ньюмана, которого канонизировал папа Франциск осенью 2019 г., Чарльз Вуд не поддавался искушению принять романское католичество и до конца дней был верен именно англиканскому католицизму.

Но, несмотря на такую приверженность вере, Вуд вовсе не являл собой классический портрет набожного христианина, смиренного и благостного. Он был человеком крайностей: жестокий, далеко не всегда чувствующий эмоции других, но чрезвычайно ценящий семейную любовь; гневливый, бьющий слуг, но после тут же

² *Earl of Birkenhead*. P. 11.

³ Оксфордское движение (Oxford Movement) — движение среди англикан Высокой Церкви Англии, которое постепенно развилось в англо-католицизм. Выступало за восстановление традиционных аспектов христианской веры, впоследствии утраченных, и их включение в англиканскую литургию и богословие. Именно в недрах Оксфордского движения родилась «теория ветвей», согласно которой англиканская церковь является одной из трех ветвей Церкви Христовой вместе, соответственно, с римско-католической и православной церквями.

⁴ Английский церковный союз (ECU) — англо-католическая пропагандистская группа Церкви Англии, возникла в 1859 г.

награждающий их новыми сапогами или совереном; с черным, жутким чувством юмора, от которого порой страдали его родные, черствый и безразличный к здоровью собственных детей, но внутренне глубоко расположенный к благу. Его образ скорее ближе к средневековому немецкому барону буйного нрава, нежели холодному английскому аристократу.

Тем не менее традиции — эта руководящая черта викторианской аристократии — были, так же как и религия, основной составляющей частью Чарльза Вуда. Эти традиции хорошо известны читателям по книгам и художественным фильмам об эпохе: прогулки на торфяных болотах, охота на лис, чопорные ужины в величественных залах родовых поместий, сигара и шерри у камина, любимая собака у ног, чтение Вальтера Скотта и рассказы о приведениях, которые играли в жизни Вуда самую удивительную роль. В такой атмосфере и появился на свет самый младший и последний из шести детей четы Агнес и Чарльза Вудов — Эдвард, который ввиду очередности рождения вряд ли мог претендовать на фамильные титулы и значительную часть наследства.

«Самый прекрасный ребенок, которого вы когда-либо видели, правда, довольно огромный»⁵, — так характеризовал своего новорожденного сына Вуд. Генетические отклонения — спутники многих аристократических династий — сказались на Эдварде сразу. Он был куда больше своих сверстников, что с возрастом отразилось в очень высоком росте и позволило Андрею Громыко дразнить его в Вашингтоне «каланчой»⁶.

Помимо выдающихся размеров, шестой ребенок Вудов имел еще одно отличие — он родился с атрофированной левой кистью руки, на которую с детства ему надевали черную перчатку. Возможно, он и переживал по этому поводу, когда начал взрослеть, но это обстоятельство не помешало ему стать прекрасным наездником и охотником. Единственную неловкость, которую он испытывал в связи с этим, о чем позднее говорил своей жене Дороти, это то, что он не мог одновременно держать чашку чая и сигарету.

⁵ *Earl of Birkenhead*. P. 23.

⁶ *Громыко, А.* Памятное. В 2 кн. М.: Политиздат, 1988.

Именно с Паудерхемом, с юго-западом Англии, связаны самые счастливые детские воспоминания Эдварда о чудесных летних прогулках, пикниках, «опасных вылазках» на скалы, походах на море, купании, замках из песка и прочих добрых детских развлечениях⁷. Впрочем, развлечения его старших сестер не всегда были добрыми. Так, например, они старались раздражить ослика по имени Голубая Звезда, дергая за его хвост, чтобы тот взбрыкнул и сбросил Эдварда, учившегося кататься верхом. Иногда им это удавалось, тогда ослик начинал еще и лягать мальчика.

Зато добра к ребенку была его первая прислуга — горничная, служившая еще его матери, и няня. Обе подкармливали и без того упитанного мальчика то бисквитами со свежей вишней, то горячими булочками с маслом, утешали, если на улице шел дождь и он не мог гулять по саду или кататься на ослике, хотя при непослушании пугали его зловещими незнакомцами.

Строги к Эдварду были его собственные родители. Физические наказания детей оставались такой же традицией, как и упомянутые выше, более приятные и относительно безобидные. Рьяно эту традицию чтили и отец, и мать мальчика. Все воспоминания о детстве и подростковом возрасте графа Галифакса испещрены сценами, которые современным людям, конечно, покажутся дикими, но в такой обстановке росли все или почти все дети аристократов. И даже описание счастливых дней в Паудерхеме омрачено упоминанием того, как он был вызван в комнату отца и там избит палкой.

Чарльз Вуд был жесток не только к детям, но и к своей жене: «Его развлекало брать ее с собой в изнурительные прогулки с подъемами по скалам, заставляя плавать в опасной воде, что однажды чуть не кончилось утоплением»⁸. Леди Агнес принимала это как должное и в таком же спартанском духе относилась к собственным детям. И первым чувством, которое испытывал Эдвард к своим родителям, был страх, после — уважение, а уже потом — любовь. Хотя по-настоящему он сблизился с ними, только будучи совсем взрослым.

О чувствах к родителям граф Галифакс вспоминал: «Сначала, конечно, мы ценили его (отца, Чарльза Вуда. — М.Д.) больше,

⁷ *Earl of Halifax*. P. 13–14.

⁸ *Earl of Birkenhead*. P. 20.

поскольку дети предъявляют довольно легкие требования, и именно с ним, а не с моей матерью мы находили развлечение и забаву. Он вытаскивал нас из классной комнаты для поездки или экспедиции, а в дождливый день для шумной игры в помещении, или читал нам захватывающие истории про призраков, прежде чем мы ляжем спать. Но во всем этом постоянно сквозило некое требование нашего беспрекословного повиновения, которое никогда не должно быть поставлено под сомнение. Это порождало действительное наше нежелание сказать или сделать что-то, чего бы он не одобрил. Но шло это не из страха наказания, а из страха не оправдать его ожиданий в отношении нас. Постепенно учась его принципам и ценностям, мы начали чувствовать, что должны попытаться сделать их нашими, живя в атмосфере его работы и его забот. И эта атмосфера, о которой у современного психолога, несомненно, можно было бы многое рассказать, очень чувствовалась».⁹ К сожалению, это нежелание послушаться отца в итоге вылилось в страшную трагедию.

В мае 1886 г. Чарльз Вуд взял с собой детей на парад Адмиралтейства. Третий его сын Генри, который мечтал стать священником, к радости отца, во время ожидания церемонии простудился на сильном ветру. Тогда этому никто не придал значения, к тому же сам он вряд ли осмелился пожаловаться родителям на погоду или самочувствие. Через три дня у семилетнего мальчика обнаружилось сильнейшее воспаление легких, он метался в бреду, молясь так интенсивно, как никогда прежде. Особенно Генри огорчало, что он не сможет увидеть церковную процессию на праздник Вознесения. В итоге 6 июня ребенок умер.

Это была не первая смерть, с которой довелось столкнуться Эдварду. В 1884 г. умер его дед по отцу, благодаря чему Чарльз Вуд получил титул виконта Галифакса, а вместе с ним и внушительное состояние, которое, впрочем, еще нужно было приводить в порядок. В силу возраста и непоколебимой веры, Эдвард не считал физическую смерть трагедией, скорее, неким торжеством, о чем писал после: «Мы рано познакомились с торжественными фактами жизни»¹⁰.

⁹ *Earl of Halifax*. P. 19.

¹⁰ *Ibid.* P. 22.

Вера пронизывала не только сознание семьи Вудов, но и быт: «Часовню мы посещали каждое утро и пели гимны, было также и вечернее богослужение ночью по воскресеньям. Много лет у нас был капеллан, а моя мать раньше регулярно играла на органе в церкви, поощряя прислугу — садовников, лакеев и помощников — присоединиться к хору, который репетировал еженедельно в помещении часовни. Каждое утро мы повторяли матери определенные выделенные ею религиозные тексты, которые выучили, и она давала нам задание посмотреть что-то в Библии или в книге Вернона Стейли “Католическая религия”. По воскресеньям мы должны были повторять наизусть катехизис, а когда мы стали старше, учили Евангелие; или иногда отрывки из поэмы Кибла “Христианский год”, те, которые я считал самыми подходящими <...> Обязательным для нас было присутствие на службе по воскресеньям и в другие особенные дни — на Крещение, Великий четверг, праздник Вознесения, или День всех святых, независимо от того, в какой точке мира мы находились. Это был один из самых ранних канонов поведения, который отложился в детском сознании. Зато, если ты был в церкви в воскресенье утром (при этом одним присутствием на утренней молитве удовлетвориться было нельзя), тебе была доступна большая широта воскресных занятий и удовольствий. Но, несмотря на это, были любопытные различия. Играть в большой теннис никогда не позволялось, а вот в крокет — да; карточные игры вечером были под запретом, но письменные игры, шашки и шахматы были дозволены; мои сестры могли вязать, но не шить. Оглядываясь назад, я думаю, что это было значительно: утверждение таких различий между воскресеньем и другими днями. Было ли само это правило логично или нет, менее важно, чем обучение соблюдению любого правила, вплоть до грубого внушения идеи дисциплины и почтения как стандарта поведения. Подчинение своей жизни религиозному фону, который всегда в ней присутствовал»¹¹.

Поскольку лорд Чарльз вел непрерывную религиозно-административную деятельность, будучи президентом Церковного союза, в доме Вудов постоянно бывали священники как англиканской

¹¹ Ibid. P. 19–23.

церкви, так и католической. Вуд неустанно боролся за признание англикан третьей ветвью Церкви, но раз за разом терпел неудачи, а впоследствии получил официальный отказ своим чаяниям от Ватикана и папы Льва XIII. Это тяжело ранило его, но не сломило и не заставило отречься от своей идеи.

Будучи за границей, от своих обычаев Вуды также не отступались. Где бы семья ни находилась, в 6 утра они обязаны были быть в церкви, причем католической. Англиканские церкви вне Британии их требованиям не удовлетворяли. Особой ролью в своей жизни и жизни детей лорд Чарльз наделял евхаристию. Обряд святого причастия через ритуальное поглощение плоти и крови Христа был для него необычайно важен: «Я всем ему обязан. Я не могу вообразить свою жизнь без него. Это помогло мне во всех моих искушениях; это сдерживало меня, насколько возможно так, как не могло удержать ничто другое»¹².

Причастие совершалось ежедневно, заставляя Эдварда принять Христа в себе в прямом смысле этого слова: «Вряд ли это возможно переоценить, поскольку обряд вселял полное чувство интимных отношений с нашим Избавителем. И эта ежедневная встреча была самым большим заверением и облегчением, настоящим общением с нашим Господом, которому мы несли надежды, неприятности, печали, радости, сомнения, неудачи, собственные или чужие, и оставляли ему с гарантией полного сочувствия и понимания. Таким способом, я думаю, мой отец обучил нас чувствовать то, что было твердыней его собственной веры. Мой долг ему за это вне оценки»¹³.

Такие проникновенные отношения с Господом наделяли сознание избранностью, которой Вуды, впрочем, не спешили делиться с другими и никогда не навязывали своих обрядов никому, не имеющему отношение к их семье. Вера Эдварда была так тверда, что, когда однажды он познакомился с архитектором, который помогал перестраивать их имение, и узнал, что тот агностик, мальчик не мог понять, как этот человек все еще жив и не поражен божественной карой. Именно благодаря негибамой, фанатичной вере семье

¹² *Earl of Birkenhead*. P. 14.

¹³ *Ibid.* P. 16.

Вудов удавалось переносить все новые и новые испытания. Череда смертей продолжалась.

В 1888 г. умер дед Эдварда по материнской линии лорд Девон, и семья должна была проститься с Паудерхемом. Теперь постоянным их местом обитания становилось родовое графство Вудов — Йоркшир, где находились два их имения — Хиклтон и Гэрроуби. Некогда северная провинция Римской империи, Йоркшир играл огромную роль в жизни будущего графа Галифакса, был для него тем, что принято сегодня называть «местом силы»¹⁴.

В Хиклтоне традиционно отмечали Рождество. Главный христианский праздник для Эдварда был омрачен лишь одним: утренним поеданием фирмити, сладкой каши из ячменя, масла, молока, яиц и специй, приготовленной по кельтской северной традиции, каша на вкус была «очень противной»¹⁵. Но традиция сильнее вкусовых качеств, поэтому кашу он съедал от первой до последней ложки. Зато за ужином в Сочельник, на который позволяли остаться детям, никто ни в чем себе не отказывал. Даже обычные ужины Хиклтона были делом очень солидным: «шесть или семь курсов: супы, рыба, мясо, овощи, сладкое, острое, тосты с маслом и десерт»¹⁶, так что уж говорить о праздничных. Дети бегали в кухню смотреть, как на огромных вертелах жарятся около двадцати кусков мяса, вращаясь благодаря часовому механизму.

На праздники слугам давали некоторый отдых, отказываясь от отопления (а каминов в имении было порядка пятидесяти, и затопить их все было делом непростым), а также угощали фирменным пивом Хиклтона. В пять утра на Рождество прислуга и жители деревни выходили колядовать, и Эдвард вместе с сестрами вылезал из теплой постели, чтобы зябнуть у холодного окна, держа в руке зажженную свечу и показывая этим, что усилия певцов не напрасны. «По сравнению с сегодняшним днем, наша жизнь была уравновешенной, неторопливой и традиционной. Новизна не так очаровательна, чем испытанные и доказанные удовольствия. Так, когда волнения одного Рождества заканчивались, было нетрудно вернуться к обычному ритму жизни, чувствуя подсознательно, что

¹⁴ Ibid. P. 5.

¹⁵ *Earl of Halifax*. P. 31.

¹⁶ Ibid. P. 29.

на следующее Рождество можно положиться, и оно будет таким же хорошим, как и предыдущее»¹⁷.

Работая над мемуарами в середине 1950-х гг. граф Галифакс невольно сравнивал быт своего детства, пришедшегося на период викторианской Англии, и современные реалии. Там, где раньше передвигались на пони, теперь проносились на легковых автомобилях. Слуг, приносящих холодную и горячую воду для вечерней ванны, заменили водопроводные трубы. Прислугу, зажигающую лампы в комнатах и коридорах, — электричество. За несколько десятков лет переменялось не только социальное и сословное устройство мира, изменилась даже погода. Традиционной зимы, когда в рождественские дни дети с удовольствием играли в снежки, строили снежные форты на крикетном поле и катались на коньках по льду замерзшего озера, практически не стало в Йоркшире.

Но в те времена, о которых мы рассказываем, снега было достаточно. И по этому снегу брела то старая ведьма Гагула, чтобы поздравить детей с Рождеством своим появлением, то цыгане, чтобы украсть «маленького толстого мальчика»¹⁸. Эти крайне своеобразные розыгрыши подстраивал лорд Чарльз. Однажды он читал детям «Копи царя Соломона» и решил нарядиться злой ведьмой из этой книги, чтобы развлечь (в соответствии со своими представлениями о развлечениях) маленьких детей, но в итоге порядочно их перепугал.

Другой рождественский розыгрыш был куда более эпичен: утром прогуливаясь вместе с детьми, он увидел цыган и решил договориться с ними об одной авантюре. Как вспоминал спустя десятилетия тот самый «маленький толстый мальчик», которого собирались украсть: «Я помню это, как будто вчера: громкий стук в парадные двери, мой отец, который велит нашему дворецкому Джеймсу выяснить, что это такое, и Джеймс, возвращающийся назад в ужасной тишине в зал, чтобы сообщить: у дверей толпятся грубые цыгане, которые, насколько он смог разобрать, хотят маленького мальчика и уже идут сюда, чтобы забрать его. Вслед за ним входят четыре или пять самых здоровых хулиганов, которых вы когда-либо видели, вместе с ними несколько наших садовников и наш извозчик

¹⁷ Ibid. P. 29–30.

¹⁸ Ibid. P. 32.

Уильям, выкрикивающий скорее большевистские лозунги о богатых и бедных и о полуголодных цыганах. Они хотят толстого маленького мальчика и принесли мешок, чтобы в нем его унести. Мой разъяренный отец кричит: “Никто не смеет со мной так разговаривать, вон отсюда”. Цыгане настаивают: “Мы должны взять маленького мальчика с нами”. Среди детей начинается абсолютная паника: некоторые бегут наверх, другие кричат и прячутся позади взрослых, пока наконец цыгане не отказываются от своей затеи, и все кончается общим примирением»¹⁹.

Неизвестно, как пошла бы пьеса, если бы Уильям не переиграл роль с большевистскими лозунгами. Вполне возможно, маленького мальчика позволили бы даже забрать, посадить в мешок и отвезти на пару миль от дома, а потом лорд Чарльз догнал бы цыган на коне и отвоевал ребенка. Вуд был способен на многое. Пугал он не только детей, но и свою жену. Однажды, опять же прогуливаясь вместе с детьми, он сорвал бледную поганку. Когда они возвратились домой, лорд Чарльз удобно устроился на диване и показательно перед детьми эту поганку проглотил, велел им позвать свою мать. Леди Агнес примчалась в ужасе, но выяснилось, что муж просто пошутил и поганку все-таки не съел, а как фокусник засунул ее за воротник²⁰.

Другой страстью Чарльза Вуда, которую он также навязывал своим детям, были призраки. Всю свою жизнь виконт Галифакс собирал истории о них и писал свою «Книгу приведенных» — огромный кожаный фолиант, изданный Эдвардом после смерти отца. Тонкая грань между миром мертвых и живых влекла его с молодости, это были и злые духи, и неупокоенные души, он искал с ними встречи везде, однозначно и безоговорочно веря в их существование, будто они были из плоти и крови²¹. Даже в Хиклтоне имелся собственный призрак: горничная, которая повесилась. Раз за разом лорд Чарльз пытался поймать ее, но та неизменно ускользала. Возможно, потому что она была «добрым» призраком, а такие ему не нравились.

Его привлекали зловредные приведения, вампиры, полтергейсты и прочая нечистая сила. Именно о таких призраках виконт

¹⁹ Ibid. P. 32.

²⁰ *Earl of Birkenhead*. P. 20.

²¹ Ibid. P. 40.

Галифакс читал своим детям. «Мы любили их больше всего, этот элемент страшной тайны, когда чтение заканчивалось, и мы оглядывались через плечо, убегая наверх по не слишком хорошо освещенным проходам и коридорам, прежде чем мы достигали наших спален и были в безопасности. Ковер, который служил дверью на черную лестницу, был чем-то вроде автоматического барьера или волшебного щита против любой угрозы. Когда мы добежали до него, мы кричали назад: “Поймай-ка меня, если сможешь, черт, призрак или человек”, и бежали вверх по лестнице с такой скоростью, с какой только могли. Если мы добирались до вершины первого пролета, прежде чем ковер перестанет качаться, а на самом деле мы всегда это успевали, мы были в безопасности. <...> Я предполагаю, что все это в наше время попало бы в категорию комиксов, ужасов и было бы осуждено; но я не думаю, что это делало с нами что-то плохое, и мой отец всегда говорил, что все это очень хорошо для развития нашего воображения»²².

Не только мистике находилось место в Хиклтоне. Самым любимым для Эдварда стало время после чая, когда его мать садилась за фортепьяно и играла детям, приглашая их потанцевать, или иногда пела. Также он любил визиты дяди Генри, который наряжался в медвежью шкуру и гонялся за детьми, к их великой радости. Дядя Генри учил его кататься на пони, когда Эдвард достаточно подрос для этого занятия.

Пони ему подарил отец на день рождения вместе с трогательным письмом: «Завтра все мои мысли будут о тебе. Интересно, увидишь ли ты *Серебряный Хвостик*. Одна птичка сказала мне, что *действительно* видела Серебряного Хвостика с новой тележкой, скачущим к Хиклтону: он заявил, что хотел бы, чтобы Эдвард Фредерик Вуд стал его хозяином. Он надеется, что юный господин Эдвард будет достаточно любезен, возьмет его в свои конюшни, будет давать ему много зерна и не слишком сильно его бить. Мне так любопытно узнать, доберется ли этот Серебряный Хвостик до Хиклтона, если уж новости о нем дошли до меня. До свидания, мой самый любимый. Я люблю тебя всем сердцем»²³.

²² *Earl of Halifax*. P. 33–34.

²³ *Earl of Birkenhead*. P. 31.

Уроки верховой езды дяди Генри были не столь трогательны, как это письмо. Всякий раз, когда ноги Эдварда неправильно лежали на боках пони, дядя Генри лупил по ним стеком, приговаривая: «Если бы ты сидел правильно, я бы не смог тебя ударить». Из-за детской физической нескладности мальчик также испытывал постоянные проблемы с одеждой: «Бриджи, гетры и ботинки всегда мне плохо подходили, расстегивались и сидели совсем не так, как у других мальчиков, которых я видел»²⁴.

Но эти легкие неприятности не шли ни в какое сравнение с начавшимся обучением Эдварда в классной комнате. Руководила этим процессом гувернантка мисс Хилдер: «Она была типичным продуктом старой школы; ограниченной в интеллектуальном плане; уверенной в своих методах; преданной поклонницей моего отца, а также убежденной, что точность, дисциплина и благовоспитанность были, безусловно, самыми важными компонентами образования. Для внушения этих качеств она больше всего ценила физическое напоминание, и она будет постоянно сидеть рядом с моими сестрами и мной, когда мы делаем уроки, и бить нас палкой по рукам и пальцам, если мы допускаем ошибки, которые, как она считала, есть следствие небрежности или невнимания. Испытывая горечь от такого наказания с сопровождающими его слезами, мы часто убегали в конюшни и показывали наши ушибы кучеру Сэмсу, сочувствие и негодование которого были очень утешительны. Наши родители, несомненно, знали, что режим классной комнаты суров, но по очевидным причинам мы смущались демонстрировать результаты наказания им, ведь они подумали бы, что мы, скорее всего, его заслужили»²⁵.

Впрочем, иной раз мисс Хилдер зверствовала действительно не просто так. Старшая сестра Эдварда Мэри вспоминала, что, хотя ее брат был добр с бедными детьми из деревни и всегда играл с ними, он мог быть довольно вредным и проказливым. Так, однажды он привязал свою кузину²⁶ за волосы к спинке стула в классной комнате, за что мисс Хилдер лупила его по голове тряпкой. Но, как писал

²⁴ *Earl of Halifax*. P. 33.

²⁵ *Ibid.* P. 36–37.

²⁶ Lady Bingley (Agnes Wood) to Earl of Birkenhead.

после уже сам граф Галифакс, боль от наказаний быстро проходила, и они вновь наслаждались жизнью после уроков, слушая истории о призраках, играя в карты или наблюдая, как созревает фирменное хиклтонское пиво, варить которое было обязанностью самой старой семьи в их деревне. Огромный дымящийся котел напоминал детям ведьмовское варево, и они с удовольствием следили за процессом созревания напитка дважды в год — в марте и сентябре.

Пока младшие дети вдыхали хмельной пар и подвергались тирании при домашнем обучении, старшие сыновья лорда Чарльза учились в Итоне и Оксфорде. Средний сын — Френсис — имел проблемы с сердцем, очевидно, тоже врожденные, но проявившиеся только в подростковом возрасте. В феврале 1889 г. в Хиклтон пришла телеграмма, что Френсис болен, лорд Чарльз немедленно поспешил в Итон. Оттуда он вернулся в марте с телом своего второго сына, наказав Эдварду молиться за Френсиса и Генри, которые теперь вместе будут в раю.

Наконец, решив уделить внимание здоровью детей, чета Вудов зимой 1889–1890 гг. отправила их на Мадейру, так как старший сын и наследник — Чарли — был болен туберкулезом. Там Чарли вдобавок ко всему прочему заразился желтухой, сестра Эдварда Мэри заразилась оспой и также чуть не умерла, но, по счастью, все-таки выжила. Сам Эдвард, бегая по холмам, упал и сломал себе передние зубы, что привело к очень болезненному и неприятному знакомству с американским дантистом.

Когда летом 1890 г. семья вернулась домой, стало понятно, что поездка только ухудшила здоровье 20-летнего Чарли. В тот же период леди Агнес заразилась брюшным тифом, но к ней Господь, к которому взывали в Хиклтоне особенно рьяно, был милостив. Она выжила, но Чарли умер в сентябре того же года. Смерть старшего сына стала не только очередной трагедией, заставляющей набожных соседей из других «великих семей Севера» усомниться в благочестивости Вудов, это событие сделало наследником и титула, и фамильного состояния самого младшего сына — Эдварда. Результат, который мало кто мог предвидеть.

И результат этот отразился на отношении лорда Чарльза к своему единственному выжившему сыну. Не думая смягчить наказания

Оглавление

Предисловие.....	4
Глава 1. Йоркшир (1881–1910).....	8
Глава 2. Вестминстер (1910–1926).....	43
Глава 3. Индия (1926–1931).....	85
Глава 4. Уайтхолл (1931–1935).....	139
Глава 5. Форин Оффис (1935–1941).....	164
Глава 6. Америка (1941–1959).....	272
Заключение.....	297
Краткая библиография.....	299
Именной указатель.....	302

Научно-популярное издание

Моргана Андреевна Девлин

ЛОРД ГАЛИФАКС: СВЯТОЙ ЛИС

Корректоры *М.А. Иванова, Е.Г. Закревская*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*. Дизайн обложки *М.А. Девлин*

Подписано в печать 17.02.2020. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 19,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1986

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86